

Пасынки славы: человек с оружием в буднях Кавказской войны

Обычно, когда дело касается личного фактора в Кавказской войне, принято вести речь о наиболее ярких ее персонажах. Но ими вовсе не исчерпывается ее содержание. Всякая война – это не только деяния полководцев и политиков, славные подвиги героев и битвы, увековеченные в истории. Это еще и то, что остается «за кадром» – повседневность войны, заполненная смертью и страданиями, горем и лишениями, жестокостью и милосердием, высочайшей духовностью и мерзостью. Это грязь и грех, которые всегда сопровождают «наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Это неисповедимые судьбы десятков тысяч людей, сведенных войной в определенном месте и в определенное время только ради того, чтобы они уничтожали друг друга. Это фатальный ход времени с его неизбежными и безжалостными «случайностями», способными в одно мгновение оборвать жизнь любого человека, положив конец надеждам, мечтам, блестящей карьере, унести в небытие огромный и кажущийся бессмертным мир чувств и мыслей.

В общей сложности Кавказская война длилась 47 лет (1817–64 гг.). Даже за самым щедрым вычетом относительно мирных перерывов получается уж никак не меньше 10 тысяч дней! Каждый из них составлял частицу единственной и неповторимой жизни тех, кто был вовлечен в эту грандиозную драму. В любой момент с ними могло произойти самое худшее. Но они были поглощены не раздумьями о смерти, а будничными заботами войны, перемежавшимися с ее «праздниками» – кровопролитными сражениями. Одни видели в этом смысл существования,

другие – борьбу за высокие идеалы, третьи – средство обогащения, четвертые – каторжную повинность, пятые – возможность найти себя или развеять тоску, еще кто-то – романтический способ самоубийства и т. д. Заняты своим делом, эти люди ежедневно творили подвиг, сами того не подозревая. Именно кровью и потом народных масс – безымянных горских воинов и русских солдат – были куплены самые громкие победы и оплачены самые тяжкие поражения в Кавказской войне и с той, и с другой стороны. Военные будни стали естественным укладом жизни. Сложившись в годы и десятилетия, они образовали историческую «ткань» явления эпохального масштаба и значения.

Лучи славы выхватили из тьмы истории лишь отдельные личности, волею судеб оказавшиеся на виду. Ключевые фигуры в анналах Кавказской войны, они издавна привлекают внимание исследователей и, бесспорно, заслуживают его. Но не менее достойны такого же интереса и те, чьими трудами и жертвами возвысились эти герои.

Исторические источники позволяют не то чтобы вызволить их из неизвестности, но во всяком случае представить тяжесть той ноши, которую им пришлось вынести на своих плечах, увидеть непарадную сторону Кавказской войны, в том числе ее самые гнусные лики. Все это должно стать предметом профессионального изучения для историка. Задача его не в восхвалении добра и осуждении зла и не в эстетизации того или другого, а в понимании обстоятельств места и времени, порождающих свет и тьму.

* * *

У горцев Северного Кавказа в эпоху Кавказской войны одной из «структур повседневности» был военный поход – своеобразная хронологическая ячейка их социального и духовного существования. Длившаяся зачастую несколько дней сама боевая операция вкупе с тем, что ей предшествовало и что за ней следовало, имела, помимо сугубо военного, еще и, так сказать, бытовое содержание, которое чаще всего остается за пределами внимания историка. Между тем, без этого невозможно воссоздать богатейший мир Кавказской войны, включавший не только блистательных героев и памятные события, но и не менее интересную «прозу» жизни.

Считается, будто горец был всегда готов к походу, оставалось лишь вскочить в седло. Это верно, но лишь в определенном смысле. Дело в том, что за той легкостью, с которой он пускался в самые сложные и рискованные предприятия, стояли многие годы

воспитания и тренировок. Вообще говоря, большую часть детства и ранней юности горец проводил в подготовке к войне. Это вовсе не означает, что ему не прививались мирные, хозяйственные навыки. Однако на приобщение к военному делу, требовавшему больше труда, проворства, сноровки и хитрости, уходило и больше времени.

Горская система физического воспитания давала поразительные результаты. Она делала человека сильным, выносливым, ловким, стремительным, сметливым. Оттачивала до автоматизма все его целенаправленные движения, придавая им грациозность и изящество. Учила приспосабливаться к любым ситуациям и выживать в невероятных условиях. Превращала горца в органичную и совершенную часть природы.

Сакральное отношение к оружию (холодному и огнестрельному) впитывалось едва ли не с молоком матери. Не намного позже приходило и умение обращаться с ним. Огромным почтением и любовью горца пользовался конь – боевой товарищ и своеобразное продолжение человека. Конь был предметом особой заботы. Его и холили, и лелеяли, но прежде всего закаляли, приучая терпеть голод и изнурение. Его обучали всем премудростям, необходимым для того, чтобы стать надежным помощником воина. Конь и хозяин были очень привязаны друг к другу. Между ними, как правило, царило полное взаимопонимание.

Горские лошади были довольно приземистыми, но зато быстрыми, крепкими и выносливыми. На них надевались высокие и узкие седла с короткими стременами. На военных тренировках и в сражениях горец как бы сливался с конем в некое подобие кентавра. Вместе они проделывали совершенно немыслимые трюки. Конечно не ради самих трюков, а ради победы и спасения. На полном скаку горец посылал пулю в цель с убийственной точностью. Тут же мог с молниеносной быстротой укрыться от огня противника за туловищем коня или под его брюхом. Или же, в случае нужды, пробежать рядом с конем, держась одной рукой за загривок, и вновь взметнуться в седло, оставив врагу мало шансов на успешный выстрел. Однажды английский путешественник по Кавказу Г. Каммерон, любопытства ради, решил принять участие в одном из конных состязаний черкесов. Это едва не закончилось для него плачевно. Беды не случилось лишь благодаря силе и ловкости его партнера. Данный эксперимент убедил англичанина в том, что овладеть искусством наездничества так, как горцам, дано не каждому.

В полную экипировку горского воина входил целый оружейный набор: ружье, пистолет, шашка и кинжал. Иногда – лук, стрелы,

копья и булавы. У военачальников под черкесской была еще и легкая кольчуга. Обувь горца тогдашние иностранные наблюдатели считали непревзойденным изобретением в этой области – ичиги или мягкие и прочные кожаные сапожки, позволявшие пешком преодолевать огромные расстояния с минимальными неудобствами для ног, легко вскарабкиваться по отвесным скалам.

Усвоенные сызмальства уроки самоограничения выработали одну из характерных черт повседневной культуры горцев – воздержанности в еде, которая в условиях военного быта способствовала формированию особого физического типа – человека со статным, крепким, необычайно ловким и выносливым телом.

Все это служило горцу бесценным капиталом в многотрудных боевых экспедициях – знойным летом и холодной зимой, под снегом, дождем и палящим солнцем, днем и ночью. Все это помогало победить и вернуться домой живым, в ореоле славы. С годами приходил опыт – великий шлифовщик врожденных задатков. Некогда новичок, пройдя сначала школу военных игр, а затем – военной жизни, становился умудренным бойцом и предводителем.

Теперь обратимся к общей картине военного похода. После объявления сбор длится недолго, поскольку все необходимое у горца всегда при нем. Он берет с собой нужное количество провизии, чтобы быть совершенно самодостаточным. В его пайке и без того непрехотливая горская ежедневная пища представлена в предельно упрощенном виде: кислое молоко, хлебные лепешки, небольшой запас сыра, ячменя или проса. Благодаря этой грубой еде горцы не знали болезней, косивших русскую армию на Кавказе.

С момента выступления начинает действовать отлаженная до мелочей система, в которой каждый точно знает свои функции. До наступления главного действия – сражения – у предводителя отряда мало работы. Хотя в походе его слово – закон, у него, строго говоря, нет нужды управлять и поучать. Продвигаясь к цели, экспедиция живет как единый организм, где все происходит быстро, согласованно и почти рефлекторно.

Движение продолжалось весь световой день, с короткими остановками, по сильно пересеченной лесной местности. До большого привала на ночь ели очень мало, еще меньше пили, чтобы не растравлять жажду. Для ночлега выбирали удобное и безопасное место, но для верности выставляли дозор. Разводили костер, обкладывали огонь плоскими камнями. Раскаляясь, они служили жаровнями, на которых выпекались хлебные лепешки. Существенным подспорьем в походном рационе были лесная дичь и дикий мед, извлекавшийся горцами из скальных расщелин.

После ужина отряд отходил ко сну. Укладывались спать на бурках, ими же накрывались. Иногда в качестве ложа использовалась укромная ниша в скале. С восходом солнца движение возобновлялось.

Горцы обладали удивительным даром безошибочного предсказания погоды – по полету бабочек и прыжкам кузнечиков, по состоянию полевых цветов, по цвету, густоте и протяженности облаков тумана, окутывавших горы. Благодаря этой способности стихия редко заставляла их врасплох, что было особенно важно во время боевой экспедиции.

Западные авторы с огромным интересом отмечали умение горцев укрываться от непогоды. При первых признаках ее приближения в считанные минуты срубалось несколько длинных прочных палок, которые в вертикальном положении закреплялись с помощью веревок. Поверх этого сооружения клали большие куски войлока. Так получались палатки, где было сухо и тепло. Палатка предводителя отличалась большим простором и даже «роскошью» – ковром и подобием дымоходной трубы.

Однако главной целью военной экспедиции являлось нападение на врага. Оно производилось внезапно и стремительно, небольшими группами всадников, наносивших удары по разным направлениям, но согласованно. Атаке обычно предшествовал душераздирающий, напоминавший вой шакала боевой клич, от которого даже у бывалых, не говоря уже о необстрелянных, русских солдат кровь стыла в жилах. Зачастую благодаря этому жуткому звуку нападавшие уже получали психологическое преимущество. Нетрудно представить, какую панику мог он посеять среди неприятельских войск, очутившихся в глухом ущелье.

Горцы тщательно избегали «генеральных», полевых битв, понимая, что здесь успех обеспечен русской армии, более многочисленной и лучше вооруженной. Но в партизанской войне им не было равных. Их неоспоримое преимущество состояло в том, что они, прекрасно зная ландшафт, сами выбирали наиболее подходящие для себя место и время действия. Это позволяло держать тактическую инициативу в собственных руках.

Горские отряды предпочитали появляться там и тогда, где и когда их меньше всего ожидали. Выследив русскую колонну, они обычно не беспокоили ее в течение продолжительного времени – давали ей широко растянуться, пройти значительное расстояние, углубиться в лес или в горы. Бывало, по нескольку дней никем не нарушаемая тишина природы создавала впечатление полного благополучия, расслаблявшее российских солдат.

Но стоило колонне оказаться в неудобной для обороны ложине или ущелье, как тут все и начиналось. Горцы обрушивались, подобно лавине, и со всех сторон. Оживало каждое дерево, каждый утес, каждый холмик, каждая ложбинка. Горцы возникали, словно из-под земли, чтобы произвести выстрел, метнуть стрелу или копье. Атаковали молниеносно, на полном скаку, не давая русским организовать оборону. Испытывая недостаток пороха, расходовали его с такой жестокой рачительностью, которая оставляла избранной жертве мало шансов уцелеть. Метили прежде всего в офицеров, стараясь обезглавить войско и вызвать смятение. Атака следовала за атакой, с короткими промежутками, необходимыми для того, чтобы перезарядить оружие. Источники отмечают «дикую ярость» атакующих горцев. Возможно несколько утрируя, они уверяли, что для хорошо тренированного горского партизана не представляла особой проблемы даже та ситуация, когда под ним убивали коня. Как правило, он находил себе нового, пользуясь замешательством какого-нибудь незадачливого русского всадника.

В некоторых случаях нападение производилось на открытой местности, где фактор внезапности был еще важнее. Горцы наносили удары по авангарду и арьергарду военного подразделения, сначала давая огнестрельный залп, а затем завязывая рукопашную схватку. Расстроив неприятельские ряды и нанеся максимальный урон, они исчезали прежде, чем русские успевают развернуть свою артиллерию. Преследовать горцев было совершенно бесполезно: они уходили стремительно, по заранее известному пути.

Такие атаки могли повторяться изо дня в день, до полного истощения и поражения противника.

Разновидностью партизанской войны являлось устройство обороняемых завалов, брать которые приходилось ценой больших потерь. Кавказские горцы в своих лесах окружали и уничтожали русские войска подобно тому, как древние германцы расправлялись с римскими легионами.

Иногда горцы отваживались штурмовать русские крепости, но далеко не всегда с успехом. Обычно же для нападения большими силами они выбирали относительно слабо защищенные поселения и укрепления, имея при этом в виду и возможность пограбить.

Горские воины обладали крайне неприятной для противника способностью – быть вездесущими. Они отличались такой хитростью и ловкостью, что русским было невероятно трудно предвидеть их действия и эффективно отвечать на них.

Тем не менее победы стоили горцам очень дорого, не говоря о поражениях. Они не могли возмещать людские потери с той же

легкостью, с какой это происходило в российской армии, колоссальной и по своему действующему составу, и по резервам. Поэтому со временем пришлось переходить к более «экономичным», более «партизанским» формам войны. (Впрочем, проблема исчисления горских потерь крайне сложна. Так, по мнению одного британского путешественника, у горцев погибало относительно немного людей, что якобы подтверждается значительным ростом населения Северного Кавказа за годы Кавказской войны. Так или иначе, этот вопрос нуждается в тщательном изучении.)

Очень часто горцам приходилось защищать свои аулы. Система подвижной обороны выстраивалась на дальних подступах к поселениям и в принципе носила такой же партизанский характер, как и система нападения. О наступлении русских войск узнавали заранее, через разведчиков. Оповещение о непосредственном приближении врага передавалось с помощью своеобразного светового телеграфа – костров на башнях, находившихся друг от друга на расстоянии видимости. По расположению этих сигнальных огней люди определяли направление движения неприятеля.

Защищая свои дома, горцы стояли насмерть под натиском лютых штурма. Прицельный огонь из стационарного положения они вели с еще более поразительной точностью, чем тогда, когда стреляли на скаку. В западной литературе описан один показательный случай. Однажды русские, готовя штурм аула, сложили бруствер из камней, между которыми остались небольшие щели. Для горстки обороняющихся горцев этого оказалось достаточно. Люди, укрывавшиеся за тем сооружением, получили опасные ранения в самые неожиданные места. Но против русской артиллерии горцы были бессильны. Испытывая перед пушкой нечто вроде суеверного страха, они называли ее «убийцей тысячи человек» или «царским пистолетом». Как это ни поразительно, но горцев, людей необыкновенной силы духа, охватывал панический ужас, когда они подвергались штыковой атаке. Это чувство было вызвано не опасением погибнуть, а боязнью найти позорную смерть. Дело в том, что среди них бытовал странный предрассудок. Быть заколотым считалось у горцев участью, достойной свиньи, в их глазах – самого нечестивого животного.

На поле боя горец применял целый арсенал хитростей, особенно в безвыходных ситуациях. К примеру, оставаясь один в окружении противника и без шансов вырваться, он довольно искусно притворялся убитым, чтобы при первой возможности вновь открыть огонь. Правда, русские солдаты нашли жестокое противоядие против этой «варварской» уловки. Они стали прокалывать штыка-

ми лежавшие на земле тела горцев, среди которых попадались не только мертвые.

Однажды во время крупной экспедиции против горцев (первый поход в Дарго под командованием генерала Граббе) последние захватили русского барабанщика и заставили его отбивать марш, означавший призыв к его однополчанам следовать в определенном направлении. В результате большое количество солдат и офицеров угодило в засаду, где и были уничтожены. Это сыграло значительную роль в провале всего русского предприятия.

Горец практиковал и такие приемы нападения на врага, которые в русских и западных источниках именовались «хищническими». Забравшись в укромное место неподалеку от русской крепости или поселения, он мог терпеливо, иногда по нескольку дней, подстергать свою добычу – неосторожно отделившегося от жилища всадника или пешего, который в мгновение ока оказывался убитым или пленным. При этом горец часто действовал с помощью аркана, да так виртуозно и стремительно, что его жертва едва успевала что-либо сообразить. Русские переняли это «искусство» похищения людей и в период Крымской войны успешно использовали его для пленения «языков» или уничтожения противника под осажденным Севастополем.

Жестокость и изуверства были привычными, едва ли не повседневными спутниками Кавказской войны с обеих сторон. В ходе экспедиции М.С.Воронцова в Дарго геройски погиб молодой генерал Пассек – отважный воин, любимец солдат, человек незаурядного профессионального таланта, который сделал быструю и блестящую карьеру и которому прочили большое будущее. Тело Пассека попало к горцам. Они отрезали большое будущее. Тело Пассека попало к горцам. Они отрезали ему голову, надели ее на копье и в течение нескольких дней носили по аулам как трофей победы.

Горцы никогда не оставляли своих убитых товарищей на поле боя или в руках врага. Они готовы были скорее отдать ему победу, чем души соплеменников. Когда, случалось, тела погибших оставались у русских, горцы присылали делегацию с просьбой об их выдаче. Однажды такая делегация явилась к начальнику Черноморской береговой линии Н.Н.Раевскому. Генерал вернул тела погибших со словами: «Я не воюю с мертвыми». Оценив этот благородный жест, черкесы ответили: «Мы будем молить Аллаха, чтобы он не оставил твое тело без погребения, если вдруг тебя убьют в сражении».

По обычаям горцев, ни одна смерть не должна была остаться без отмщения. На могилах воинов устанавливался специальный знак, который не убирался до тех пор, пока их ближайшие родственники, соблюдая закон кровной мести, не убьют кого-то из русских.

* * *

Военное искусство кавказских горцев приносило победы во многом благодаря тому, что оно органично соединялось с их особым духовным, психологическим складом. По оценкам иностранных авторов, горец привык к «дикой свободе», которая составляла неотъемлемую часть его «естественных прав» и жизненных ценностей и которую, поэтому, он готов был защищать от любого посягательства. Это порождало чувство враждебности к внешнему миру (Россия), откуда исходила угроза этой свободе. Борьба против такой угрозы была нормальным проявлением инстинкта самосохранения и приобретала высокоморальный, священный характер. Она не нуждалась в дополнительных моральных или идеологических обоснованиях, как не нуждается в них любая инстинктивная реакция. Но это не означает, что сама война за свободу не создавала вокруг себя совершенно определенную духовную среду с ярко выраженным «героическим» содержанием.

С другой стороны, обладание таким даром, как свобода, воспитывало у горца еще одно чувство – превосходства над всем миром, особенно над теми, кто свободы не имел. Идеальным объектом применения этого чувства был закрепощенный русский солдат. Следует оговориться, что применительно к кавказским горцам категория «свободы» употребляется русскими и западными авторами XIX в. в самом широком, так сказать, поэтическом смысле и несет на себе печать романтической идеализации. Конечно, горский общинник не знал тех форм прямого социального гнета, которым подвергался русский крестьянин. Но и его свобода существенно ограничивалась: внутри общины – строгим обычаем, за ее пределами (в походе) – властью военного предводителя.

Военный быт выработал у горцев – по крайней мере у представителей княжеско-дворянского сословия – характерную манеру поведения. Иностранцы часто называли ее рыцарской, подразумевая вполне уместную аналогию со средневековым западноевропейским этикетом. Горец мог быть плохо одет, но при этом исполнен внутреннего достоинства, сдержанности, благородства. Уверенность в силе своего тела и духа делала его бесстрашным, давала ощущение личной независимости и превосходства над другими. Об этом говорило все – взгляд, осанка, жесты, походка. В общении он крайне редко нарушал патриархальные приличия: был отменно вежлив и не позволял себе неосторожного обращения со словами. Иностранцы, которым довелось иметь дело с горцами, не скрывали своего удивления их аристократизмом, характерным для

европейской великосветской знати; но совершенно неожиданным посреди кавказской «дикости». Строго говоря, оснований для удивления здесь нет, ибо «цивилизованный» аристократизм происходит от «патриархального», «дикого», имея с ним единую природу. Именно поэтому «светскость» манер черкесов напоминала иностранцам атмосферу европейских аристократических салонов.

Эти усваиваемые с юного возраста нормы поведения, по мнению западных наблюдателей, служили основой самоорганизации человека до такой степени, что в военных походах они практически заменяли «армейскую» дисциплину.

* * *

Горцы редко позволяли захватывать себя в плен. Неволья для них была страшнее смерти. Поэтому когда русские заключали их под стражу, они, пренебрегая неминуемой опасностью для жизни, делали все возможное и невозможное, чтобы вырваться на свободу. Вот весьма наглядный пример, приведенный английским автором Дж. Беллом.

Молодой шапсуг, убивший и ранивший во время набега несколько русских солдат, был схвачен и доставлен в Екатеринодар. На допросе он откровенно признался в содеянном. На него надели кандалы и посадили за решетку. Ночью узник каким-то образом исхитрился освободиться от цепей, прорыть подкоп и выйти наружу. Но там оказалась высокая стена с колючей проволокой. Тогда он, используя железные детали своих оков, вскарабкался на нее и спрыгнул вниз с другой стороны, прямо в руки к двум часовым. Случайно подвернувшемуся поленом он уложил одного из них и бросился бежать. По пути он успешно отбил от трех казаков, пытавшихся его задержать. Так он добрался до Кубани. Однако на этом его испытания не закончились. На середине реки беглеца настигла лодка с преследователями. Казалось, что участь его, несмотря на столь отчаянные усилия, затраченные для спасения, предрешена. Тут-то он еще раз продемонстрировал огромную волю к жизни. Близость свободы придала этому стремлению могучий импульс. Собрав последние силы, шапсуг опрокинул лодку и доплыл до берега. А уже там он решил не рисковать и действовать осмотрительно. Рядом находился мирный черкесский аул, где можно было бы обогреться и хотя бы немного перевести дух. Но он, не исключая возможности выдачи его русским, не стал этого делать и двинулся домой в горы. После трудного и продолжительного пути отважному шапсугу наконец удалось благополучно достичь своей цели.

* * *

В исторической литературе найдено немало причин, объясняющих конечную победу русской армии в Кавказской войне. Но среди них далеко не главное место отводится – если вообще это принимается во внимание – фактору, без которого трудно представить себе историю России – русскому солдату. Возможно, именно потому, что его воспринимают не более как исходный элемент организованной «толпы», участвующей в войне, чуть ли не как некое естественное «сырье» для процесса, управляемого «героями». Будучи легкозаменяемой микрочастицей в огромном армейском механизме, он как бы малоинтересен. Особенно в персональном и событийном контексте истории.

При этом невольно забывают, что речь идет не просто о первичном «элементе», а об одушевленном, мыслящем и чувствующем микрокосме, образующем, в соединении с десятками и сотнями тысяч ему подобных, гигантский военный организм, от физического и морального состояния которого напрямую зависели победы или поражения России, успехи или неудачи полководцев и политиков. Живя и развиваясь по своим законам, этот организм был крепким, но не идеальным. Он имел сильные и слабые стороны, знал подъемы и спады. Однако его отличительными чертами все же оставались мощь, высокая управляемость, неприхотливость и поразительная жизнестойкость. Все эти качества подверглись жесточайшему испытанию на Кавказе, где русская армия оказалась в совершенно непривычной для себя природной среде и столкнулась с крайне неудобным противником, пребывавшим в собственной стихии.

Исторические источники позволяют воссоздать общую картину повседневной жизни русского солдата и оценить его роль в Кавказской войне. Ему отдавали справедливость даже русофобски настроенные писатели. С его помощью можно было решать самые сложные боевые задачи, ибо он обладал бесценными для воина качествами. Оторванный от сохи рекрут еще до армии успевал привыкнуть к подчинению, тяжелому труду и лишениям. В строгой военной дисциплине для него не было ничего нового. В нем изначально воспитывали инстинкт преданности царю и отечеству, подавить который не могли ни дурное обращение, ни смертельная опасность. Все это, по мнению иностранных наблюдателей, превращало русских солдат под началом храбрых и опытных командиров в «хорошо организованную и великолепно управляемую машину», не ведавшую страха и пригодную для любых целей. Она состояла из

такого удивительного человеческого материала, который не встречался ни в одной другой стране, кроме России.

Как известно, русские генералы долго искали наиболее эффективный способ ведения Кавказской войны. Совершая одну ошибку за другой (не без влияния приказов из Петербурга), они опробовали различные тактические схемы, прежде чем вышли в конце концов на правильный путь. Частные успехи рождали иллюзии, вскоре разбивавшиеся. Летевшие к царю триумфальные реляции на поверку оказывались мифами. Логически стройные кабинетные планы обнаруживали свою полную бесполезность в реальных условиях Кавказской войны. Неучтенных или непредсказуемых факторов обычно хватало для того, чтобы разрушить теоретически безукоризненный замысел.

За эти вынужденные эксперименты многие даровитые генералы и офицеры заплатили жизнью. Под пулями и шквалами атак горцев они не прятались за спинами товарищей, а были всегда впереди. Бегству или плену они предпочитали смерть, готовые тем самым искупить вину за свои собственные, а чаще за чужие просчеты.

Однако львиная доля тяжести последствий метода проб и ошибок приходилась на плечи простых солдат, несших ее стоически.

* * *

Для русского солдата на Кавказе одной из привычных форм будничной жизни являлись военные экспедиции. Длительность их колебалась от нескольких дней до нескольких недель – в зависимости от характера боевой задачи. Они осуществлялись в любое время года, но наиболее серьезные и загодя планируемые операции – обычно летом. Часто целью служили горные аулы, расположенные в труднодоступной местности.

Долгие и опасные походы были еще и изнурительными. Солдатское снаряжение весило изрядно. Одно только ружье было таким тяжелым, что приходилось нести его попеременно – то на спине, то на плече, чтобы хоть как-то облегчить ношу. С этой же целью вместо обычного полевого ранца использовался полотняный мешок на кожаных ремнях, в котором хранился недельный запас провизии, белье, иногда псалтырь и другие предметы. Снаружи к мешку подвешивались различные аксессуары, в том числе котелок. Солдат был обут в кованые сапоги, на плече висела сложенная в кольцообразный рулон шинель.

Походная колонна, по мере углубления в горы, сужалась и растягивалась на большое расстояние, что делало ее крайне уязвимой

для противника. Значительная часть пути преодолевалась по узкой тропе, где не разойтись и двум человекам. Иногда она проходила по краю пропасти, зияющая глубина которой пробирала холодком даже самых бесстрашных. Шли гуськом. Одно неверное движение могло стоить жизни.

В этих условиях возникали особые проблемы, если колонну сопровождал артиллерийский обоз. Нередко солдаты были вынуждены на своих плечах переносить пушки через горные хребты.

Подобные трудности усугублялись либо непогодой, либо палящим зноем, либо резкими перепадами температур, характерными для гор. К этому добавлялось постоянное чувство тревоги, вызванное суровой природой, незнакомой местностью, а главное – гнетущим ощущением, что где-то рядом затаился враг, который следит за каждым твоим шагом и терпеливо ждет своего часа.

Привалы и остановки на ночь были маленькими праздниками для участников похода. Ружья складывали козлами. Разбивали палатки. Разводили костры и грелись вокруг них. Это удовольствие считалось солдатской привилегией. По негласному закону, офицеры подходили к огню только тогда, когда места хватало всем. Варили еду. Если не оставалось ничего, кроме хлеба, смачивали его в горячей воде. В походе солдату ежедневно полагалась дополнительная порция спиртного для согрева и поднятия духа.

Даже в стесненных обстоятельствах военной экспедиции богатые офицеры сохраняли светские привычки и старались устроить свой быт по возможности комфортно. Они везли с собой предметы роскоши и деликатесы. В офицерских палатках был самовар, вокруг которого собиралась компания. Где-нибудь в затерянном посреди горных теснин ущелье, да еще в ненастье, обычное чаепитие превращалось в священнодействие и высшее наслаждение.

Тем более, что других поводов для радости было мало. В дождливую погоду палатки текли, одежда и вещи промокали насквозь. С этой напастью мог сравниться разве что испепеляющий летний зной и неутолимая жажда, сводившая людей с ума. С учетом всего этого становится ясным, почему максимальное расстояние, преодолеваемое русской пехотой за день, даже если ее никто не тревожил, не превышало 15 верст. Тут в пору удивляться тому, как вообще удавалось достигать такого результата.

Наутро колонна снова отправлялась в путь. И так повторялось изо дня в день, пока она не прибывала к месту назначения. Монотонность движения иногда скрашивалась каким-нибудь неутомимым балагуром, чьи байки и шутки отвлекали от невеселых дум и помогали скоротать время. Впрочем, «скучная» дорога была все

же предпочтительнее, чем «веселые» сюрпризы в виде засад, стремительных нападений горской конницы или снайперского огня из лесной чащи.

Хотя русское командование на Северном Кавказе старалось держать свои тактические планы в тайне, противник чаще всего узнавал о них заранее и успевал подготовиться.

Не всегда дело доходило до применения оружия. Бывало, самой демонстрации силы оказывалось достаточно, чтобы склонить горцев к покорности, хотя бы и видимой. Они высылали навстречу русским войскам парламентариев, заверяли в своей лояльности, выдавали аманатов. Когда воинская колонна приближалась к мирному аулу, жители выносили на продажу молоко, яйца, масло, фрукты.

Однако бывало и так, что приходилось преодолевать ожесточенное сопротивление чуть ли не на каждом шагу. Получив сведения о намерении русских властей примерно наказать тот или иной непокорный аул, горцы покидали его, унося все свои пожитки. Они атаквали противника на подступах к аулу, старались отрезать ему обратный путь и, заперев где-нибудь в узкой теснине, уничтожить, используя в том числе и такой «варварский» способ, как сбрасывание огромных камней с большой высоты. Русские тоже не оставались в долгу — сжигали жилища, вытаптывали посевы.

Нередко, однако, местное население оставалось в ауле и укрепляло его так, что взять его можно было только штурмом, ценой больших потерь. Атакующим приходилось под градом пуль брать стену за стеной, саклю за саклей, каждая из которых являлась маленькой крепостью. Потом завязывался жесточайший рукопашный бой: русские штыки и сабли против горских кинжалов и шашек. Удар шашки был настолько силен, что перерубал ствол ружья. Против нее, по свидетельству западных авторов, так и не находилось эффективной защиты, тогда как справляться со штыком горцы научились.

Русский солдат, как и его собратья в других европейских армиях, был приучен к залповой стрельбе в определенном направлении, но без выбора конкретной цели. Этот прием годился при столкновении с достаточно плотной массой противника. Когда же он применялся против стремительной горской конницы или весьма широко разбросанных огневых точек, то результативность его резко падала. Положение несколько улучшилось после того, как на Кавказ стали посылать финских стрелков-снайперов.

Русский солдат по горькому опыту знал: даже если аул взят и его защитники уничтожены, торжествовать победу рано. Не меньшую опасность, чем штурм, представляло возвращение на базу. Невидимый враг методично расстреливал колонну из лесу. Временами

он «материализовывался», терзая ее короткими и молниеносными конными атаками то спереди, то сзади, то с флангов. В гиблых, с точки зрения обороны, местах, каких в горах немало, нападения принимали массированный и яростный характер. В русских войсках росло — иногда катастрофически — количество убитых и раненых, что заметно затрудняло движение. Горцам зачастую удавалось не только отбивать свой скот, но и захватывать армейские продовольственные обозы и даже пушки. В ходе некоторых экспедиций русские несли больше потерь при отступлении, чем при штурме аулов.

Высоко оценивая стойкость, героизм и дисциплинированность русских солдат, иностранные наблюдатели вместе с тем отмечали, что в случае гибели их командиров они становились беспомощной и неуправляемой массой, почти наверняка обреченной на уничтожение. В отличие от горцев, они не привыкли действовать порознь и принимать самостоятельные решения, исходя из обстановки. Иначе говоря, были лишены партизанской жилки. Английский автор Э.Спенсер писал, что русскому солдату, в котором высокая жизненная энергия была подавлена системой деспотизма и рабства, не хватало «пластичности духа и способности к самостоятельным действиям», столь очевидных в каждом движении кавказского горца.

По наблюдению побывавшего на Кавказе офицера британской армии П.Камерона, дисциплинированность русского солдата — в принципе бесценное качество — часто переходила в крайние, пагубные формы — замуштрованность, инертность и безынициативность в бою. К примеру, подвергаясь обстрелу неприятеля, он, вместо того, чтобы быстро укрыться в удобных неровностях местности, стоял, как мишень либо продолжал методичное строевое движение вперед, в обоих случаях ожидая приказаний командира.

Утверждалось также, что лишь черноморские и кубанские казаки — ловкие и проворные наездники — могли успешно бороться с противником его же собственным оружием — быстрыми конными контратаками или набегами с применением позаимствованных у черкесов тактических и технических приемов. По мнению некоторых западных авторов, горцы в определенном смысле были для русских «наставниками в военном деле». П.Камерон считал, что и у казаков было чему поучиться.

Русские солдаты старались уносить с поля боя тела погибших товарищей. Особой щепетильностью на этот счет отличались казаки, видевшие свой долг в том, чтобы отдать последнюю дань уважения павшим соратникам.

Характерной чертой Кавказской войны, как и всякой другой, было крайнее ожесточение людей, доходившее до таких проявлений, о которых трудно говорить без внутреннего содрогания. Глядя на своих убитых друзей и товарищей, порой изуверченных до неузнаваемости, русские солдаты отдавались во власть неистового чувства мести, теряли контроль над собой. Это чувство было для них таким же праведным и священным, как и для горцев. В нем находили нравственное оправдание и отпущение грехов за временное помутнение рассудка, за временную утрату человеческого облика. История войны знает ужасающие картины истребления целых аулов, от мала до велика. Британский путешественник Р.Лайелл вспоминал, как однажды увидел у одного русского офицера карту Дагестана с нанесенными на нее красными точками. На вопрос о смысле этих помет хозяин карты торжествующе ответил, что это сожженные лезгинские аулы.

Вырубка просек и прокладка дорог в горном лесу была для русского солдата не меньшим испытанием, чем военные кампании. Дорожно-строительные отряды подвергались постоянным нападениям горцев, понимавших, что Россия наконец нашла против них самое сильное средство, которое со временем сделает совершенно уязвимыми некогда неприступные аулы и территории. Солдаты, вооруженные топорами, кирками и лопатами, выходили на работу под усиленной охраной своих товарищей. Но эта мера предосторожности не всегда спасала. Люди получали ранения, гибли. Смерть, ставшая обыденностью, притупила чувство страха. Порой было просто не до него. Каторжный, монотонный труд отуплял, заставляя забывать обо всем и, быть может, желать меткой вражеской пули как избавления. Когда кто-либо из отряда строителей падал замертво, рядом стоящий спокойно брал из его рук инструмент и продолжал работу с размеренностью часового механизма, будто ничего не произошло. На некоторых участках потери были огромны. Однако остановить эту могучую силу не мог никто. Солдаты отвоевывали у природы и неприятеля пядь за пядью, медленно, но неумолимо. Рубили деревья, выкорчевывали пни и валуны, устривали тракт. На легкие ранения не обращали внимания. Перевязавшись, продолжали работу, которая не прекращалась при любой погоде. Изможденные, почерневшие от солнца и обветренные лица лучше всяких слов говорили о тяжелой солдатской доле. Зачастую горцы по ночам заваливали огромными камнями уже расчищенное пространство, сводя на нет многодневные труды.

Но воля, упорство и время брали свое. К концу 50-х гг., после долгих лет этой титанической и кропотливой работы, в горах и

предгорьях Северного Кавказа была создана уникальная система коммуникаций, обеспечившая кратчайшую связь между десятками крепостей и контроль над жизненно важными центрами противника. Это послужило основной стратегической предпосылкой для завершения Кавказской войны.

* * *

Особая тема – гарнизонная жизнь в русских крепостях на Кавказе. Одни из них были построены из камня, по всем правилам фортификационной науки. Другие представляли собой скорее укрепления, состоявшие из деревянных казарм и различных служебных строений, обнесенных земляными валами и палисадами с артиллерией. От типа крепостного сооружения, естественно, зависела степень его защищенности. Доставка жизненно необходимых грузов осуществлялась под усиленным конвоем, как правило, в летний сезон. Остальную часть года многие крепости были отрезаны от внешнего мира либо из-за непроезжих дорог, либо вообще из-за их отсутствия. Практически они находились в состоянии блокады. Выход в одиночку за пределы крепостной стены грозил реальной перспективой быть убитым или похищенным. Добычей горцев мог стать зазевавшийся часовой. А от пущенной невесть откуда пули или стрелы не спасала и бдительность. Но и внутри форта солдат не чувствовал себя в полной безопасности. Иногда горцы отваживались на штурм, и не безуспешно.

Гарнизоны насчитывали от двух-трех сотен до нескольких тысяч человек. Их численность постоянно приходилось пополнять из-за высокого уровня смертности. Погибали не только и не столько от боевых ранений, сколько от лихорадки, дизентерии и других болезней, вызванных непривычным климатом и – нередко – скудным или недоброкачественным питанием.

В этом смысле особенно страдали русские форты на черноморском побережье Кавказа, где сырой, а летом еще и жаркий воздух был пропитан ядовитыми болотными испарениями. Единственный путь сообщения (и снабжения) – море – действовал только в навигационный сезон. Обитатели этих небольших укреплений фактически жили в изоляции и в случае серьезной угрозы со стороны черкесов могли рассчитывать только на себя.

Побывавший там Э.Спенсер писал, что при виде этих несчастных людей, выглядевших так, будто их подняли из могилы, сердце обливалось кровью. В далеко не худшей по бытовым условиям крепости – Сухум-кале – Э.Спенсер присутствовал на строевом смотре,

который произвел на него гнетущее впечатление. Исхудавшие солдаты с перебинтованными головами представляли жалкое зрелище, приличествующее разве что госпиталю, но не плац-параду. Из трехсот человек можно было назвать относительно здоровыми не более пятидесяти. Э.Спенсер указывал на ужасающий уровень смертности в Сухум-кале.

По утверждению другого автора, Дж.Макки, средняя продолжительность службы солдата в кавказской армии составляла три года (до возможной гибели). Не случайно Кавказ именовался «теплой Сибирью». Если кому и выпадало счастье вернуться оттуда, то зачастую лишь для того, чтобы остаток дней мучиться от хворей. Э.Спенсер писал, что ни одна другая держава, кроме России, не могла себе позволить столь расточительно жертвовать своими подданными во имя приобретения территорий, не сулящих немедленной и ощутимой выгоды.

Армейские невзгоды усугублялись еще одним, ставшим настоящим бичом, явлением повседневности – воровством интендантов и начальников. По их вине солдаты испытывали нужду во всем, главным образом – в продовольствии и обмундировании, что сокращало и без того короткий солдатский век. Этим постыдным способом обогащения не гнушались даже высокие должностные лица. Обкрадывая десятки тысяч своих подчиненных, они поправляли собственные финансовые дела и сколачивали целые состояния. Во время визита на Кавказ в 1837 г. Николай I, узнав о масштабах творившихся в армии злоупотреблений, страшно разгневался. Некоторые начальники, в том числе главнокомандующий Розен, были смещены или разжалованы. Но проблема коррупции осталась.

Будничная жизнь в русских крепостях на Кавказе могла любого довести до отчаяния своим изматывающим единообразием, особенно зимой. С утра до ночи одна и та же рутина, одни и те же предметы, одни и те же лица, к тому же только мужские. И все это в ограниченном пространстве. Чтобы хоть как-то поддержать дух солдат в такой, мало чем отличавшейся от тюремной, обстановке, их занимали военными упражнениями, заставляли пить по общей команде, баловали весьма щедрыми порциями спиртного. Эти и другие маленькие радости несколько скрашивали унылое существование, но они не избавляли от синдрома «остановившегося» времени, который возникает неизбежно, когда каждый последующий день похож на предыдущий как две капли воды и оказывает разрушающее воздействие на человеческую психику.

Камерон писал, что такие условия службы лишали людей телесной и духовной энергии, ломали самые сильные и благородные

характеры, делали бесполезными такие качества, как опыт, дисциплина, храбрость.

По словам Э.Спенсера, если какой-нибудь солдат в мире когда-либо заслуживал за свои муки и долготерпение доброго обращения и всяческого сочувствия, так это русский солдат.

* * *

Логично было бы предположить в таких условиях высокий процент дезертирства. На самом же деле к горцам перебежали немногие. И это при том, что Кавказ служил местом ссылки для разжалованных офицеров и прощтрафившихся солдат, у которых, казалось бы, имелись основания для недовольства и мести. Возможно, одна из причин отсутствия массового дезертирства крылась в самой атмосфере войны, спланивавшей людей перед лицом внешней опасности. В этой ситуации действовали свои законы поведения, свои ценности. Война не терпела фальши и экзаменовала каждого по самому суровому счету. Она не различала ни чинов, ни титулов, ни сословной принадлежности. Уравнивая всех перед угрозой смерти, она обостряла восприятие жизни и обнажала смысл вещей, беспощадно и правдиво. Храбреца и труса, героя и негодяя, талантливого и бездарного она называла подлинными именами и воздавала им по заслугам.

Война устанавливала «свою» демократию. О человеке судили по его личным достоинствам или недостаткам, которые особенно ярко высвечиваются в экстремальной обстановке. Отношение к нему обуславливалось реальной значимостью его поступков, а не мнимой значимостью его формального статуса.

В воспоминаниях Роберта Харрисона, британского дипломата, прожившего в России 9 лет, есть небольшой сюжет об одном русском полковнике, который роздал свое имущество родственникам и поехал воевать на Кавказ. Там, ни в чем не давая себе снисхождения, он храбро водил свой полк на штурмы аулов, а во время долгих изнурительных переходов нес на себе такую же тяжелую поклажу, как и рядовой солдат. В русской армии на Кавказе таких офицеров, готовых делить со своими подопечными все тяготы военно-походной жизни, было немало.

Официальное разжалование, если оно не было вызвано преступлением против чести, само по себе вовсе не влекло за собой морального осуждения со стороны «общества». Разжалованный оставался на равных со своими бывшими сослуживцами-офицерами и продолжал пользоваться среди них, как и среди своего нового, солдатского окружения, прежним уважением.

Но дезертиры и предатели все же были. Они поселялись в горских аулах, иногда обзаводились семьями, принимали ислам, но при этом многие в душе оставались христианами. Были и такие, которые избегали воевать со своими соотечественниками. Иные, однако, питали неутолимую ненависть к русским офицерам, представителям благородного сословия. Немецкий автор Фр. Вагнер рассказал в своей книге историю некоего Кузнецова, русского артиллериста, перебежавшего к Шамилю в отместку за строгое наказание от начальства. Кузнецов то и дело просил имама предоставить ему полную власть над группой захваченных в плен русских офицеров. Шамиль неизменно отказывал, до тех пор пока Кузнецов не перехватил присланную к ним в банке с медом бумагу с планом побега. За такую ревностную услугу дезертир получил от разгневанного имама разрешение делать с пленниками все, что угодно. В результате 22 человека были повешены.

Но это, скорее, исключение. Другие перебежчики, пострадавшие от своих командиров, не отличались столь жестокой мстительностью по отношению к русским пленным.

Судьбы дезертиров складывались порой весьма трагично. Дж. Дитсон – британский наблюдатель Кавказской войны – передавал услышанную от русских историю одного офицера-поляка, сосланного на Кавказ. (Достоверность ее проверить невозможно, но она заслуживает внимания по крайней мере как памятник фольклора, бытовавшего в русской армии на Кавказе.) Искренне веруя в идеалы свободы, поляк перешел к горцам в уверенности, что прищасается к великому патриотическому делу людей благородных и возвышенных. Но, как утверждал автор, опираясь опять-таки на русскую версию, вскоре пришло горькое разочарование. Это оказалась банда грабителей, беспринципных и коварных. Польский офицер взялся, используя свои профессиональные знания и опыт, организовать для горцев правильную систему обороны. Но когда они все равно потерпели поражение, он был сочтен виновником и убит. Русские же, несмотря на ренегатство своего бывшего сослуживца, похоронили его с почестями, воздав ему должное как доблестному солдату, достойному лучшей судьбы.

* * *

Русские воины попадали в плен к горцам при различных, чаще всего безвыходных, обстоятельствах. Это видно по одному из характерных сюжетов, приводимому Фр. Вагнером. Как-то чеченцы устроили засаду казачьему отряду из пятидесяти человек во главе с

майором. В ходе боя, имея многократное численное превосходство, горцы уничтожили большую часть неприятеля. Оставшаяся горстка казаков сложила трупы лошадей и засела за ними, решив дорого отдать свои жизни. Тут кто-то из чеченцев, говоривший по-русски, выкрикнул: «Мы не собираемся причинять вам вреда. Выдайте своего майора и уходите с миром». Желая спасти товарищей, майор вышел из укрытия и сдался. Вместе с ним в плен отправился его денщик Иван, отказавшийся оставлять майора одного. Пленников увезли в далекий чеченский аул, где они находились под суровым надзором некоего Ибрагима, который потерял в войне против России двух сыновей. Чеченцы потребовали за майора огромный выкуп, но не получили ответа: очевидно, русское правительство не хотело поощрять подобные сделки.

В такой ситуации участь кавказского пленника обычно была незавидной. Его жизнь не стоила и ломаного гроша, целиком завися от хозяина. К счастью, Иван оказался парнем разбитным. Он добился для себя существенных послаблений тем, что обучал чеченцев готовить русские блюда и развлекал их, лихо отплясывая казачьи танцы. С него сняли оковы, и спустя некоторое время аульский кадий сообщил ему, что он получит свободу, если примет ислам. Иван согласился. Над ним был совершен необходимый обряд, после чего он стал полноправным членом общины. Однако Иван натурализовался не ради собственного спасения. Мысль об организации побега майора не покидала его ни на минуту. В голове у него вызревал дерзкий план, требовавший терпения, хитрости и крайней осторожности.

В отличие от своего денщика, майор не имел свободы передвижения. Он был по-прежнему в кандалах, и хотя чеченцы, очень чувствительные к музыке, с восторгом слушали его пение под гитару, недоверие к нему сохранялось, как и надежда получить за русского офицера хорошие деньги. Поэтому режим надзора за ним оставался строгим.

Чтобы окончательно усыпить подозрения горцев в отношении себя, Иван вызвался совершить вместе с ними набег на казачьи территории. Нападение было отбито. При отступлении Иван спас жизнь одному чеченцу, который поклялся ему в вечной дружбе. Вскоре Иван получил подтверждение искренности этой клятвы. Сестры чеченца предупредили денщика о готовившемся покушении на него. Тогда Иван, в уверенности, что настал критический момент для давно замышляемого плана, решил больше не ждать. Но как сообщить об этом майору? Ведь им было запрещено говорить друг с другом. Сметливый денщик нашел остроумный вы-

ход: вечером он устроил столь любимый чеченцами концерт, в ходе которого умудрился «пропеть» майору все то, о чем намеревался сказать. С помощью такого необычного «совещания» условились действовать немедленно.

В ту же ночь Иван убил Ибрагима, задушил выбежавшую на шум жену и поднявшего крик ребенка. В карманах у Ибрагима не оказалось ключа от колодок, в которых содержался майор, и денщику пришлось фактически нести своего товарища на себе. Добравшись до ближайшего укромного места, они передохнули и сумели избавиться от оков. На их счастье, отряд преследователей пошел по ложному следу. В конце концов, после долгого пути беглецы увидели горный аул, а за ним, поодаль, русский военный лагерь. Но двигаться дальше майор не мог – силы были на исходе.

Тогда Иван спустился в аул, выбрал стоявший на отшибе дом и пообещал его хозяину большое вознаграждение, если тот поможет доставить майора в расположение русских войск. Горец согласился. Так закончилась эта длившаяся полтора года история, в которой простой солдат, рискуя жизнью, смело взялся за сложнейшую задачу вызволения из плена своего командира и блестяще решил ее, проявив, помимо недюжинной силы духа и природного ума, немало, хотя и вынужденную, жестокость.

Тот же Фр. Вагнер передает другой случай. Во время одного из набегов черкесы захватили казака (тоже Ивана) и отдали его своему князю в качестве раба. Он долго работал на княжеской земле, пока хозяин не выразил желание женить его на миловидной черкешенке. По всей видимости, со стороны хозяина это был жест доброй воли. Но Иван, то ли не поняв, то ли не захотев понять его, отказался. Тогда строптивца заперли вместе с девушкой, после чего заставили обручиться. Казак счел это за унижение, достойное мести. Улучив момент, он закрыл князя в доме и сжег его. Иван убежал к другому князю, который обращался с ним очень мягко, очевидно по причине лютой ненависти к его прежнему хозяину. Затем судьба этого человека сделала еще несколько извилистых поворотов. Иван менял хозяев, вновь и вновь совершая побеги, искал подходящую сферу применения своим бесспорным способностям и авантюрной натуре. Но в его положении и с его независимым характером он был обречен оставаться рабом. Иван наотрез отказывался натурализоваться в черкеса, что могло открыть ему путь к свободе. Его много раз перепродавали, и в конце концов он попал в Константинополь, где был куплен новым владельцем и привезен в Анапу, тогда еще турецкую крепость. Это был богатый османский купец, который, видимо, по достоинству оценил Ивана и сделал своей правой рукой.

Он даже согласился освободить казака от рабства при условии, что тот примет ислам. Но Иван оставался непреклонным. В Анапе с этой любопытной персоной часто и с интересом общался нидерландский консул в Одессе Тэтбу де Мариньи. Иван поведал ему о своем намерении поступить на службу в качестве врачавателя к французскому королю. Как оказалось, познания в медицине казак получил в Черкесии. Кроме того, он сообщил нидерландскому консулу, что располагает «секретами исключительной важности» и благодаря им мог бы приобрести значение в обществе и большое состояние. Тэтбу де Мариньи забавляли эти грандиозные планы, однако он отдавал должное незаурядной личности своего собеседника.

После многих причудливых зигзагов круг жизненной «карьеры» Ивана замкнулся весьма прозаическим образом. Турецкому хозяину надоел сложный характер его подручного, не желавшего становиться мусульманином. Потерявший терпение купец продал казака одному черкесу, который увез его далеко в горы, сбежать откуда было непросто.

В плен к горцам попадали и русские разведчики. Один из них – барон Торнау – прекрасно знавший местные языки и обычаи, был все же разоблачен убыхами и посажен в тюрьму, чем обычно служила сырая и темная яма. Выкуп задерживался. Физические и моральные страдания Торнау становились нестерпимыми. И как знать, чем бы все это закончилось, если бы не пришла случайная помощь, причем с самой неожиданной стороны. Убых, назначенный стеречь барона, чем-то вызвал чувство мести у своего раба. Последний, недолго думая, убил хозяина и освободил Торнау, дав ему коня для возвращения к русским.

В целом положение русских пленных было ужасным. Днем их заставляли работать в поле, на ночь заковывали в цепи и сажали в яму. Часто били. Кормили скудно. За попытку к бегству надрезали сухожилия ног или вставляли в пятки острую конскую щетину. Впрочем, многое зависело от натуры хозяина и кое-что – от поведения узника. Как явствует из вышеизложенных случаев, были и такие узники, кому у горцев жилось вполне терпимо.

* * *

Одна из особенностей Кавказской войны заключалась в отсутствии линии фронта, то есть сплошной и четкой линии столкновения противников. Сам по себе этот факт не заслуживал бы пристального внимания, если бы он не означал нечто большее, чем простую тактико-стратегическую подробность. Дело в том, что Кавказская

война – это еще и условное название целой эпохи соприкосновения двух миров – русского и северокавказского. Территориальная граница между ними была далеко не всегда источником и символом вражды. Зачастую становясь границей добрососедства и мирного общения, она играла цивилизующую роль, способствовала сближению и взаимопроникновению разных культур. Постепенно усиливавшаяся тенденция к стиранию ее являлась скорее результатом естественного развития, чем насильственных действий. Если в конце XVIII в. русское и местное население Северного Кавказа представляло собой два обособленных лагеря, в отношениях между которыми преобладало недоверие, переходившее в неприязнь, то в первой половине XIX в. положение заметно изменилось. Русские поселения вплотную приблизились к предгорьям и тем самым глубоко вклинились в земли, населенные горскими народами. Возникло состояние непосредственного соседства. Оно ослабляло негативное влияние такого психологического и политического фактора, как чувство границы. Вместе с последним сходила на нет взаимная враждебность и подозрительность, хотя ощущение духовной и культурной раздельности сохранилось надолго.

Русская колонизация Северного Кавказа осуществлялась в ходе Кавказской войны, которая именно в качестве инструмента для этого процесса, как ни парадоксально, снимала напряжение в отношениях между противоборствующими сторонами, развязывала сложные социально-политические узлы, упрощала запутанные ситуации. В этом смысле Кавказская война была больше, чем война. Бесспорная заслуга русских и иностранных авторов состоит в понимании того, что ее многоплановое содержание нельзя сводить только к вооруженным столкновениям.

Взаимоотношения горцев с русскими носили далеко не однозначный характер. Жители так называемых мирных аулов свободно появлялись в русских крепостях и казачьих станицах по торговым делам. Довольно развитыми были куначеские связи. Представители местной знати и общинной верхушки часто встречались с высокопоставленными лицами из российской военной администрации для переговоров по различным социальным и политическим вопросам. Устанавливались личные отношения – честные, дружеские и даже доверительные. Они помогали решать самые острые и щекотливые проблемы.

Конечно, нет оснований идеализировать общеполитическую обстановку на Северном Кавказе: как-никак шла война, и от этого факта никуда не деться. Однако не следует впадать и в другую крайность, изображая этот регион как сплошное поле непрерывной

битвы. Даже в разгар Кавказской войны, на самых напряженных ее участках всегда находилось место для компромиссных настроений, джентльменских договоров, мирного общения между людьми. Сама жизнь с ее стихийным прагматизмом как бы восставала против идеи вечной вражды, раскрывая ее преходящий характер.

Немало подтверждающих это случаев описано в западной литературе. Один из них произошел с немецким путешественником, неким господином З., в 30-е годы XVIII в. В северных окрестностях Ставрополя он был захвачен отрядом черкесов под предводительством своего князя и увезен в горы. Через некоторое время его выкупили из плена за солидную сумму. Год спустя господин З. оказался в Пятигорске, где попал на бал в честь тезоименитства императрицы. Каково же было изумление немца, когда среди пышной светской публики он узнал в красивом, высоком и крепко сложенном человеке с благородной внешностью того самого князя. Тот галантно беседовал с молодыми барышнями, целиком завладев их вниманием.

Едва веря своим глазам, господин З. бросился к коменданту Пятигорска поведать о своем открытии, полагая, что князь будет задержан. К великой досаде немца, его взволнованный рассказ не произвел ожидаемого впечатления, а вызвал лишь снисходительную улыбку. В ответ на недоумение по поводу такой реакции комендант объяснил, что князь является личным гостем генерала Н.Н. Раевского (начальника Черноморской линии), который несет ответственность за его безопасность, и поскольку это – вопрос чести, то какое бы преступление этот человек ни совершил, ни один волосок не упадет с его головы, покуда он находится в Пятигорске.

Высказав слабую надежду на возможную ошибку и предложив выяснить это, комендант подвел господина З. к князю, представил и сообщил суть дела. С необыкновенной учтивостью князь развеял всякие сомнения и в лучшей светской манере справился о здоровье своего бывшего пленника. Оторопевший немец растерялся вконец, когда князь заявил, что был бы счастлив вновь увидеть господина З. в своем доме. Эта сцена происходила на глазах у присутствующих на балу, которым стоило немалого труда сдерживать смех.

По утверждению П. Камерона, рассказавшего эту историю, на подобных торжествах нередко можно было увидеть представителей северокавказской знати. В том числе – тех из них, кто открыто воевал против России. Причем, испытывая непреодолимую тягу к атрибутам цивилизованной жизни, прежде всего к изысканным развлечениям, музыке и танцам, они сами напрашивались к русским в гости, будучи уверенными в своей безопасности. Пожалуй, еще

поразительнее тот факт, что эти просьбы почти всегда удовлетворялись. Впрочем, возможно, если тут и есть чему удивляться, так только лишнему свидетельству гибкости российской политики, получившей должную оценку в западной литературе. По признанию самих горцев, такое гостеприимство с русской стороны приносило гораздо больше пользы интересам России, чем все военные экспедиции.

В необъятной повседневной мозаике Кавказской войны видное место занимали взаимоотношения между людьми, представлявшими враждебные лагеря. И не столько на высоком политико-дипломатическом уровне, сколько на уровне частном, обывательском. В этой сфере общения действовали понятные для всех народов человеческие добродетели – честь, достоинство, любовь, дружба. И чувство благодарности. Они, отражая состояние и потребность души, приобретали особый смысл на фоне неизменных спутников любой войны – жестокости, вероломства, алчности.

Фр. Вагнер рассказал о драматическом эпизоде, каких история Кавказской войны насчитывает немало. В 30-е гг. XVIII в. в одной из казачьих станиц на Кубани жил и работал некий военный врач, дважды разжалованный за дуэли. За помощью к нему часто обращались черкесы. Однажды, осматривая убитых, доставленных в станицу после очередной кровопролитной стычки, он обнаружил среди них пожилого горца с едва различимыми признаками жизни. Доктор перенес его к себе домой и вместе со своей женой выходил, приложив все свое умение и старание. Старик оказался муллою. Поправившись, он вернулся в горы. Через некоторое время к доктору явился молодой черкес с обычной просьбой – поехать к тяжелобольному. Когда прибыли на место – в отдаленный горный аул – выяснилось, что за доктором послал тот самый мулла. Будучи в полном здравии, он лишь симулировал болезнь, чтобы заполучить своего спасителя и подольше удержат его возле себя. Выполнив свою «миссию», доктор уехал. Вернувшись в станицу, он застал ее разоренной и обезлюдевшей. В его отсутствие горцы совершили налет, в результате которого часть населения была уничтожена, другая – угнана в горы. Только тогда доктор понял весь смысл призыва к «больному». Мулла, знавший о набеге заранее, решил с помощью такой уловки спасти от печальной участи того, кому он был обязан жизнью.

В жестокой повседневности войны контрастно сочетались сцены ужасов с трогательными примерами любви и милосердия. Р. Лайелл знал одного русского офицера, который в ходе уничтожения горского аула спас от верной гибели двух лезгинских мальчиков,

усыновил их и воспитывал как собственных детей. Английский автор приводил и другую подобную историю. Судя по всему, эти случаи не были единичными.

* * *

Совершенно неоднозначной была общеполитическая картина Кавказской войны. Имея против себя определенное количество непримиримых врагов, Россия в то же время смогла приобрести явных союзников и даже искренних друзей. Такая ситуация возникала не только благодаря объективному соотношению интересов, но и вследствие целенаправленной политики Петербурга – то гибкой и разумной, то грубой и недальновидной. В зависимости от этого колебалась и «температура» противостояния, изменялся его характер. При известных обстоятельствах вчерашний враг становился союзником, однако это вовсе не гарантировало, что сегодняшний союзник завтра не превратится во врага. Многие обуславливалось и внутривнутриполитической борьбой в северокавказских обществах. Пострадавшие в ходе этой борьбы представители знати переходили на сторону России, зачастую – со всей своей «челядью». Они селились на русских территориях, получали русские армейские чины. И уже в новом статусе, при поддержке России, мстили своим обидчикам жесточайшим образом.

Но бывало и по-другому. П. Камерон передает историю ссоры между ногайским князем, достойно служившим в качестве офицера русской армии на Северном Кавказе, и русским генералом. В результате князь перебежал к своим бывшим врагам черкесам и стал воевать против России с таким же усердием, с каким он раньше воевал против них.

* * *

Настоящий очерк представляет собой лишь первое приближение к исследованию огромной по значимости проблемы, оставшейся практически незамеченной в советской историографии. Суть ее, если говорить коротко, заключается в осознании того факта, что неисповедимая до сих пор история Кавказской войны – это не только социально-экономические процессы, анонимные «исторические закономерности» или деяния выдающихся личностей. Это еще, едва ли не прежде всего, повседневное течение жизни людей, сообществ, народов в ее материальном и духовном проявлениях. Это – сложная и необъятная экзистенция, в которой сплелись контраст-

ные проявления бытия – высокие и мерзостные, гуманные и бесчеловечные, рутинные и апофеозные. Это, в то же время, не обязательно вражда или приязнь в чистом виде, а зачастую нечто промежуточное. Это – длящееся секундами существование на грани смерти и длящееся годами прозябание на грани жизни. Это – бесконечный мир, где война – лишь часть его, не всегда главная.

Именно этот мир, населенный несовершенными людьми с праведными или злодейскими помыслами, достоин честного и скрупулезного изучения средствами гуманитарного познания. Ключевым понятием в данном процессе мог бы стать неблагозвучный, но очень емкий термин Ф.Броделя – «структуры повседневности», если сюда включить, помимо материальных предметов, окружающих человека, духовную и культурную среду, его формирующую. Л.Н.Толстой был одним из немногих, кому удалось, пусть и с помощью не совсем «научного» метода, применить подобный подход к Кавказской войне. Она служила великому писателю не просто экзотическим фоном, а неисчерпаемым историко-сюжетным полем для пронзительного воскрешения драмы под названием «люди на войне».

Пора бы и историкам, даже с риском выйти за рамки «правил» своей профессии, последовать блестящему примеру Льва Толстого. Автор данного очерка будет польщен, если его почин привлечет внимание читателей и коллег.

